

Книги Дениса Ватутина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО. ЛЕГЕНДА СУМАСШЕДШЕГО
КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО. ЛЕГЕНДА ВУЛКАНА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДЕНИС ВАТУТИН

КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО.
ЛЕГЕНДА ВУЛКАНА

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В21

Серия основана в 1992 году
Выпуск 855

Художник
В. Федоров

Ватутин Д. А.
В21 Красное Зеркало. Легенда вулкана: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 408 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1533-5

Снова мы встречаемся со Станным, Охотниками и туристами.

Позади кровавая битва у Башни. Смерть и боль внутри. Путь к великому вулкану продолжается. Война разведок выходит на свет божий, хотя... вряд ли мы можем увидеть все потаенное. Чтобы понять правду, нужно раскрыть убийство, а сделать это очень трудно — можно просто не успеть... Все чаще привлекают внимание намеки на то, что таинственный объект «Зеркало-13» не только существует, но и очень притягивает к себе правительства Земли. Главный герой и его спутники чувствуют себя под прицелом безжалостной разрушительной силы власть имущих...

Первый крупный город, старые друзья и новые враги. Резкие виражи сюжета следуют один за другим, и уже непонятно — кто друг, а кто враг. Охотник Станный движим любовью, и ему кажется, что Ирина тоже. Но так ли это в действительности? Первый же секретный объект обдает леденящим ужасом и холодом недоверия к людям. Откуда в пустыне Марса подводная лодка? Чего на самом деле добиваются Военно-космические силы ООН? Надо идти вперед — развязка ждет на железной дороге...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1533-5

© Ватутин Д. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

В пылу победы не чувствуешь всех ужасов войны. Только в ледящем душу ознобе поражения сознаешь их до конца.

Артур Конан Дойл

Женщину теряешь так же, как свой батальон: из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним, и невысказанных условий. И еще из-за своего скотства...

Эрнест Хемингуэй

Те, кто видит сны наяву в ясный день, всегда идут гораздо дальше тех, кто видит сны, только засыпая по ночам.

Эдгар Аллан По

— Контакт! Вводите адреналин... Пульс нитевидный... Синтез — тридцать процентов... Готово... Газ... Дайте газ...

Я висел под потолком овальной белой комнаты... Что? Страшно? Да...

Лицо бородатого седовласого мужчины склонилось надо мной.

— Ты в порядке?!

— Сатана здесь? — словно сквозь ватную кашу спросил я.

— Тут... там... в коридоре... — Мужчина в простыне нервничал.

— Скажи: а инопланетяне есть?

— Сынок, какие инопланетяне? Что ты ерунду... ой... прости... Посейдон разбушевался... Я не успел... не успел... Прости... Посейдон пока спит... а Тифон работает... он работает на нас...

Я смотрел на седого могучего старца, который разговаривал с постелью и одновременно будто затылком говорил со мной, висящим под потолком...

— Тетя Марта тебе гостинцев передавала...

Запах формалина и хлора...

— ...Говорят, еще три недели...

— А мы с мамой купили тебе робота — как настоящий: ходит, глазами сверкает, и лазер у него светится...

— Да ну их, этих роботов, в реактор...

— Защищает от дурного глаза...

— Хочу космическую ракету! С пушками! И видеокамеру, как у того дяденьки...

— Вот когда выздоровеешь...

Я открыл глаза, и темнота ушла...

Медленно, сквозь мутно-серую пелену проступала картинка, как в старинной кювете с проявителем: тогда изображения делали вручную.

На бюро стояла коричневая дугообразная лампа, словно созданная из прессованной ржавчины, бросающая луч на поверхность.

Эта поверхность из орехового шпона, эта столешница, напоминала рельеф местности, снятый с большой высоты, со спутника... Какие-то промоины, горизонталы высот, впадины и озера. Выцветшие структуры царапин. Глубина линзы из морилки и лака, местами прорезанная черными угольными бороздами ожогов от жала раскаленного паяльника.

Казалось, будто я смотрел сквозь ржавое осеннее марево на дно змеящегося резвого ручейка. Плыл и дрожал воздух.

Звуки и запахи мягкими ростками врезались в меня.

Я услышал шум... и запах: мазутно-земельный, пропитавшийся дымом...

Шел дождь... пахло сырой осенью.

Воздух был свербяще-свежим: в ноздри резко и бесцеремонно врезался озон и гниль.

Все в одночасье стало сырым и холодным. Сквозь туман пепельных облаков изредка проступали вспышки ионных зарниц.

Телескоп покоился в футляре, окно было закрыто, и только форточка дышала этим темным и забродившим воздухом.

В комнате царил какой-то нежилой хирургический порядок: все вещи вклинивались друг в друга, словно зубья шестеренок, будто детали электронной платы.

Казалось бы, все это естественно: обычное дело... Священная круговерть...

С кухни донесся зловещий вой на четыре тона — это закипел старинный дедушкин чайник. Раньше меня этот звук заставлял вздрогнуть, а теперь — ничего, привык. Даже нравится.

Я привычным жестом вытащил из пачки сигарету, взяв ра-

зогретый паяльник и прикурив от его жала, — красно-оранжевыми трещинами разошелся кончик сигареты.

Стало теплее... Запахло незнакомым ватным дымом.

И вдруг раздался переливистый звонок в дверь, выбивший меня из равновесия. Я встряхнул головой, увеличивая приток крови к мозгу, поскольку был еще во сне.

Не зная, куда бежать прежде — на кухню или к двери, — я решил, что к двери предпочтительнее: незваный гость, услышав первобытный вой, поймет, что потревожил...

И под вой чайника я открыл дверь...

На пороге стоял мужчина в черной шляпе, с которой капала вода, и в мокром черном плаще. Он блестел под скудными лампами лестничной клетки, отражая все сорок ватт призрачной ионизации.

— Ты меняпустишь? — Он вскинул черные густые брови.

— Заходи. — Я неожиданно для себя улыбнулся. — А где папа?

— У него сейчас трудности... Ты же знаешь. А я ему помогаю с эгидой. — Он раскрыл зонтик, поставив его в углу, и повесил шляпу на крючок в прихожей — с нее скатились жемчужины маленьких капель. — Я уберу, — сказал он торопливо.

— Нет, я. — Продолжая улыбаться, я открыл дверь туалета и вытащил ногой тряпку.

Он прошел на кухню в одних носках, оставляя за собой мокрые следы, и вой чайника утих.

— Ты до сих пор не пользуешься пьезо? — раздался голос с кухни.

— Да, — я возил тряпкой по полу, — привычка, понимаешь.

Через пару минут мы сидели в креслах и курили.

— Не ждал меня, наверное? — Сиреневые губы надломилась в усмешке.

— Да вас кто разберет... — начал было я.

— Ой! — Он комично схватился за сердце, вернувшись в коридор. — На себя посмотри, родственник...

— Зачем ты пришел? — спросил я, наливая себе портвейна.

— А как ты думаешь? — Он сделал губами мертвую сизую дугу.

— Хватит! — Я впервые повысил голос. — Вы, мои милые, психа из меня сделали...

— Твоими же руками! — Он ударил по коленям.

— Все! — крикнул я, закашлявшись дымом. — Слышать ничего не хочу! Ты тут на кой?!

Он выпустил дымное облако гаванской сигары и медленно ответил:

— Ты, кажется, хотел... ну ладно, просил. — Он взял бутылку пива и небрежно скovyрнул пробку пальцем. — В общем, у тебя было дело?

Я потупился.

— Ну да, — ответил я нехотя, — от тебя не...

— Не... — улыбаясь, ответил он.

— Ну... ты мне объясни... — Я затынулся и хлебнул портвейна. — Вся эта хрень — это прикол?

— Фи, мон дью! — Он поморщился. — Что за выражения! Прикол! Кого-то пытались приколоть?

— Да! — выкрикнул я. — Меня! Тебе мало?! ТЫ!!

— Спокойно... спокойно. — Он вынул из кармана деньги.

Они были мокрыми... разбухшие бумажные банкноты...

Нелепой раскисшей тряпкой он выбросил их в форточку.

— Прости... — я сконфузился, — я просто хотел узнать...

— Ну? — Он вопросительно сощурился.

— Скажи... Каким образом можно вынести это священное сумасшествие, напоминающее танцы и кривляния юродивого?..

Я допил свой портвейн, и пустая бутылка отлетела к куче себе подобных, звонко стукнувшись доньшком...

— Прости, мой мальчик, — он, призадумавшись, улыбался, — видишь ли... А как тебе вообще все это кажется?

Он внезапно расцвел: таким я еще его не видел... Он покрылся парчовым черным халатом, рядом с его ногой показалась породистая борзая.

— Ты, собственно, чем недоволен? — спросил он повелительным тоном. — Учился, веселился, женился и работал? Ругался с женой! Пил и мечтал! Даже в кино снимался! Что не так? Приключений захотелось? От земных проблем захотел сбежать?

— Я просто хотел чего-то другого...

— Все вы, люди, всегда хотите чего-то другого, вовсе не того, что у вас есть под носом! — Он сердито нахмурился. — Но не все этого заслуживают, и не всем это надо на самом деле. Вы живете иллюзиями, мальчик мой, и ради иллюзий совершаете

глупые и страшные вещи! Что ты сегодня хотел от меня услышать?

— Осень — это своеобразный итог, какая-то черта, когда вспоминается множество событий, происшедших за год, и не только.

Я пытался все ему объяснить...

Я начал забывать все самое страшное, и вместе с ним стало как-то уходить все самое лучшее. Оставалось все самое серое... Странно...

Мы прогуливались по осеннему скверу, и меня охватывало чувство потери чего-то очень важного, не лета... не солнца... какого-то смысла... Я еще злился на себя за то, что чувство это казалось мне банальной обидой: она не хотела идти со мной под руку... от меня сильно пахнет перегаром и табаком...

Иногда наступает момент, когда попадаешь в некий лимбус, чистилище, нулевой меридиан, где можно сохранить игру и подумать над развитием сюжета. Распутье...

А если изменить все? Если научиться чувствовать иначе? По-другому?

— А что именно по-другому? — Он внимательно прищурился.

— А ради чего я тут умираю? — Я хлопнул себя ладонью в грудь. — Ради любопытства? Ради того, чтобы не поддаться безделью и скуке? А может быть, чтобы стать умнее? Я и тупым побуду с удовольствием...

Я не могу понять себя? А разве я понимаю остальных?

— Мне все ясно, — сказал он медленно.

Он вынул из пальцев черную прокопченную трубку и задумчиво поглядел на конский череп, висевший на стене напротив бюро.

— Люди должны отрешиться от иллюзий и перемещаться отсюда — туда. Они — каждый — есть ступень... Ты-то должен знать... И Земля, и Марс, да и что угодно — это некий такой инкубатор. Яйцо страуса эму и утконосого динозавра — почти одинаковы. Если повышать температуру яйца — вылупятся самцы, понижать — вылупятся самки. Если воздействовать на яйцо пучком жесткого электромагнитного излучения...

— Так это всего лишь опыты? — не выдержал я, чувствуя острый приступ изжоги.

— Ты же, как всегда, не дослушал. — Он поморщился.

— Извини. — Я вновь опустил глаза на коричневый потертый паркет.

— Это новый виток развития, — продолжил он, — формируются новые нейроны, дополнительные нервные узлы, меняется состав медиаторов и скорость передачи импульса... Даже твоя родная планета претерпела массу изменений за последнее время...

— И?.. — спросил я.

— И, — повторил он с улыбкой, — тот, кому интересно, становится тем, кем интересно. Сам решает свою судьбу. И все, ничего особенного — просто процессы...

Отрывок из записи на карманном планшете

Вот так этот путь и продолжился...

А начался он с моего прилета на Марс и моей дурацкой тяги ко всему новому и невыносимой жажды одиночества. Я здесь был уже пятый год (по марсианским меркам — чуть меньше трех), хотя ощущение было, что уже лет десять.

Последнее время у меня возникло предчувствие, что этот год на Марсе может стать для меня последним... Сам не знаю, что меня потянуло с этими двумя типами из одного полушария в другое. Йорген и Сибилла — опытные Охотники и хорошие напарники... а вот туристы, свалившиеся нам как снег на голову с частного шаттла... И чего конечно же я не мог предвидеть в этой экскурсии на вулкан Олимп — это моей встречи с ней... с Ириной... Мои спонтанные чувства к ней, которые только усложнили всю ситуацию, и без того непростую: все, что связано с этой миниатюрной хрупкой девушкой, пропитано тайной и смертью... да... Странно, что эта история прокручивается у меня в голове, — может, начать вести дневник? Тогда вся эта сумятица выстроится в некий порядок и перестанет давить на мой череп изнутри? Нет, не мой это стиль — вести дневник... А потом, для этого требуется система, а я не знаю, где буду завтра... Даже что случится через пару часов...

Вот так часто бывает: одна случайность тянет за собой другую — и длинная цепь взаимодействий, как падающие друг на друга фишки домино, рождающие абсолютно неожиданный узор событий... Кто я? Одна из этих фишек? А может, деталь узора? Но уж точно не тот, кто заварил эту кашу... Зачем мне все это нужно?..

Вокруг продолжал дуть небольшой ветер, крутя в призрачном танце мелкие песчинки и пыль. Стенки кратера тихо гудели от потока воздуха.

Мы стояли уже далеко за Башней Титанов, и я вновь злился — от собственного бессилия...

Мы гнали своих вялых дромадеров, как бешеных крыс, и, только оказавшись километрах в пятнадцати от стрельбы, от смерти и от всей этой чертовщины, остановились под прикрытием небольшого безымянного кратера, наполовину занесенного песком.

Казалось, с окончания боя у Башни прошла тысяча лет... Встреча с Сенькой, встреча с безумными золотоискателями, «Ящер» и его гибель, смертоносный ляг боевых машин, силуэты всадников-паладинов с лазерными винтовками, напоминающими копыя, крики боли и ужаса, взрывы, свист пуль, душманы, перекошенное злобой лицо Комода, выражение удивления и страха в глазах Криса, застрелившего командира, кровь на лице Ирины, внезапно появившийся глюк, от которого исходили жужжащие волны...

Все это стучало повторяющимся ритмом зацикленного видео, отдаваясь в висках далеким эхом...

Я медленно объезжал неровный строй туристов и смотрел всем в глаза. Чемба мерно раскачивался, а ногу лихорадило глущей раной...

Я вспоминал о том, как все поднимались с песка, как открывали глаза, как я scomандовал «по коням», как Ирина меня перевязывала, хоть необходимости в этом не было, как все боязливо косились на труп командира с застывшим на мертвом лице выражением безграничного удивления, как искал свои очки Паттерсон, который стал для меня героем этой феерии, но... Я уже принял решение и не собирался его менять... Я чувствовал усталость и опустошенность...

Я изо всех сил не хотел того, что чуть не произошло...

Я смотрел в эти лица одновременно с жалостью и равнодушием, с любовью и недоверием... с полным ощущением какой-то утраты и безнадежности в сложившихся обстоятельствах... Я чувствовал, что сил у меня на доньшке, — меня сковывала усталость.

Йорген с Сибиллой стояли чуть поодаль, негромко переговариваясь. В голове у меня продолжался малиновый звон, и уши были набиты ватой. Перед глазами плыли очертания пред-

метов — я не мог подолгу сосредотачивать свой взгляд на чем-нибудь.

Два безумных кладоискателя, голландец с англичанином, тоже стояли в стороне, с интересом наблюдая за всей этой сценой.

А Сенька флегматично курил, ковыряясь в своем рюкзаке.

— Значит, так, — значительно откашлялся я. — Ситуация сложилась... неблагоприятная... Думаю, что объяснять не нужно: каждый из вас это поймет по-своему...

Мне было очень трудно говорить эти слова, и вместе с тем я чувствовал желание свалить с себя свинцовый груз: Сибилла и Йорген были на моей стороне — а здесь, на Марсе, это было много...

— Мы, Охотники Марса, — продолжал я, — обязались перед туристами с другой планеты (как это глупо я сказал)... кхм... обязались им провести их по маршруту, обеспечив им (то есть вам) полную безопасность...

Слова форменно застревали в моем горле, особенно когда я встречался со взглядом Ирины.

Ногу простреливало пульсирующей болью, и напоминала она о себе ежесекундно...

— Но, учитывая сложившуюся ситуацию, — продолжил я, закуривая для солидности, хоть меня и продолжало тошнить, — действие договоренностей между сторонами нуждается в...

Я задумался: да уж, учитывая сложившуюся ситуацию... Ни хрена себе ситуация! Как все мы здесь остались живы?! Это не случайное везение — это холодный расчет! И меня это здорово бесило... Туристы побывали в плену у душманов, и никто не пострадал, в то время как нас утюжил взвод тяжелых шагающих танков!!! Я знал, что слова, сказанные мной, — казенная и трусливая формула, которую я обязан воспроизвести, и обязан себя ненавидеть за это...

— ...Нуждается в пере...

— Значит, вы не поведете нас на Олимп? — выкрикнула Дронова с обидой.

Вот уж вам, пани, как с гуся вода... польский паштет...

— Я, — медленно сказал я, — Охотник лицензии номер девятьсот сорок четыре, Ка два, выданной мне правительством Четырех Городов Марса...

— Почему?! — гневно воскликнул Азиз. — Мы хатим на гору!

Я коротко смерил его обжигающим, как мне казалось, взглядом, и меня прорвало:

— А потому! Потому, Азиз, что против орбитальной бомбардировки, или ядов, или резни во время сна, как это было с Джованни, мы не в состоянии защитить: нас мало! Потому что эти танки смели бы всех, как цербер хвостом, но они не сделали этого, эти паладины могли бы всех прикончить в считанные секунды, а эти бандиты были с ними в сговоре, как и те, на «Изумруде»! Неужели вам не ясно, что в группе есть предатель, который преследует черт знает какие цели, которому начхать на ваши жизни...

Тут я осекся: взгляд мой вновь упал на Ирину.

Она смотрела на меня, и даже из-под шлема в лучах только встающего солнца на ее лице были видны слезы...

— Поймите, — сказал я глухо, старательно изучая раздвоенные копыта Чембы и свою окровавленную штанину. — Группу «кси-516» необходимо расформировать, так как она находится под прицелом неких разведслужб...

— Вы же смелый человек! — пафосно сказал Аурелиано. — Почему вы трусили?

Я очень хотел, чтобы мой взгляд сбросил его из седла на песок.

— Вообще-то, — Йорген приподнял верхнюю губу, словно оскалившийся цербер, — мы тут танцевали под пушками ради вашего удовольствия, мать их! Чтобы вы на горку слазили! Нас тут хреначили...

Геологи тарачились на нас, тихонько переговариваясь друг с другом. Они тоже меня раздражали.

— Да чего вы все тут? — Сенька оторвался от рюкзака. — Мы же не в Гваделупе уже... Все живы-здоровы, а ты, Странный...

Аюми сидела в седле, крепко зажмуря свои красивые раскосые глаза. Паттерсон пребывал до сих пор в полной прострации, а Лайла хлопала ресницами, глядя поочередно то на полковника,двигающего желваками, то на меня, брызжущего слюной.

— Я прошу прощения за эмоциональный срыв... — Я пытался успокоиться и донести сразу много мыслей до этой публики — в глаза Ирины я старался не смотреть. — Но есть серьезное подозрение, что в группе имеется хорошо законспирированный агент разведки. Этим объясняются многие происшествия, начиная с убийства итальянского профессора...

— Итальянского? — Сенька очень хотел быть в диалоге — он чувствовал себя не в своей тарелке, если не являлся центром внимания.

Он считал, что виноват во всем, — я видел это в его глазах, и видел даже, как он пытается это скрыть. Но его я берег на сладкое...

— А кто его убил?! — Дронова умела все испортить даже простой фразой. — Меня тоже интересует, кто из этих милых людей, — она обвела взглядом своих спутников, — мог сделать такое? Давайте разберемся наконец, а то все времени не было за этими психозами! В первую очередь: кому это выгодно?!

— Здесь вам не кино и не детективный роман, пани Дронова, — процедил я сквозь зубы, уловив ее нахальный взгляд в сторону Иры. — Вы сами-то жить хотите?!

— Вы мне угрожаете?! — взвилась она. — Угрожайте сколько влезет! Здесь все помешанные!

У нее началась истерика: плечи ее вздрагивали, и она закрыла лицо руками.

Очнувшаяся Аюми вместе с Лайлой принялись ее утешать...

Взгляд Ирины вдруг стал каменным.

— Отставить! — заорал я и тоже стиснул свой череп со стороны ушей... — Я предлагаю всего лишь расформирование группы. — Слова медленно соскакивали с моего языка. — Дабы максимально обезопасить ее членов и изолировать предполагаемого врага. В Персеполисе¹ вы можете нанять любого Охотника или проводника — там вы будете в безопасности, а гонорар я верну... Вот и все...

— Вот и все... — повторила Лайла, бросив на меня взгляд, полный отчаяния. — А так все хорошо начиналось! Я бы пошла только с вами. Ни с одним другим. Вы доказали, что...

— Слушай, Страний! — Азиз прищурил пухлые веки. — Ми с палковныком найдем этого шакала и закапаем! Я тебе клянусь! Ти нас можеш прывесты к городу, возле горы. Я только тебе вэрю, а другим... разным галаворэзам... я нэ поверю никак! Ми с тобой бандытов били! Ти мэня прикривал, я тэбя! Ти забиль?

«Черт тебя возьми! — подумалось мне. — А сам-то ты кто?»

¹ П е р с е п о л и с — древний персидский город, основанный Дарием I Великим, куда он перенес столицу Ахеменидов из Пасаргад, столицы Кира Великого, основателя Персидского государства. (Энциклопедия Кольера.)

Как ты боялся трупа итальянца и как ты пристрелил одного парня, а второму раздавил горло. Ты...»

— Вы ведь не стали нас убивать... — совершенно некстати ляпнул голландец.

— Помолчи, — прошипел Митчелл.

— Это случайность. — Лицо Йоргена приобрело хищное выражение, а его правый глаз заметно дергался.

— Ребята, давайте будем вместе... — Лайла смотрела в мои глаза с каким-то живым интересом.

Под шлемом было видно ее румянец, выступивший на красиво очерченных широких скулах.

— Вообще, — откашлявшись, произнес полковник, — вы тут главные, вам решать, но с тактической точки зрения...

— Люди, — сказал вдруг Аурелиано, — неужели надо было прилететь сюда, за многие миллионы километров, чтобы увидеть то же самое, что творится везде?

Крис продолжал обреченно молчать, а Ирина смотрела мимо меня.

— Наша жизнь дается нам для того, чтобы что-то понять, — вновь заговорил Скорцес, — кому, какой разведке, каким тайным орденам может быть что-то нужно здесь? Здесь?! Кто из вас обладает такими сокровищами или знаниями, для того чтобы это было необходимо? Вы верите в тайные заговоры и секты маньяков?!

— Ну вообще, — Сибилла мрачно улыбнулась, — тут таких навалом. Мы даже в глюки верим...

— Я бы даже сказал... — начал Сенька.

— А кто же убил Джованни? — с обличающими интонациями выкрикнула пани Аида.

— А с чего вы взяли, что тут заговор? — сощурился Скорцес. — Может, он скрывался от вас, дикой и безумной женщины, которая...

— Это я безумная?! — округлила глаза Дронова.

— Это я безумный, — с горькой улыбкой сказал Аурелиано. — Знайте, что единственный представитель тайных орденов — это я. «Последние Клирики» — это люди, не пытающиеся добавить религиозных догм, а просто стремящиеся стать лучше. Мы являемся ревнителями единственной чистой веры! Мы — клирики! Мы всегда были на страже человеческой чистоты, хотя люди и потеряли чувство правды! Мы ждали конца света, но его не произошло — просто стало труднее жить. На Марсе

можно было все начать заново, а вы и тут нагадили своими темными делишками... Великий Перелом ничему вас не научил, несмотря на миллионы погибших... Но я буду верить...

Все, даже ушедший в прострацию Крис, обернулся на него.

— Да, — гордо продолжил Аурелиано, — все испытания, выпавшие на нашу долю, не должны сломать человека — человек не лошадь и не собака: его нельзя сломать давлением — только разум его и вера могут держать его в движении жизни. Я прилетел сюда, как и многие из вас, в надежде на новое человечество. И я — верю в него... Верю, что эта дьявольская цивилизация не отобрала последних останков правды... Меня уже ждут здесь — те, кому нужна правда... Я хочу, чтобы у всех появился шанс... На Марсе нужно построить все заново! Все сделать по-другому! Как вы этого не понимаете? Иначе все умрут, и жизнь окончится!

— Это, конечно, правильно. — Сенька развинчивал свой мушкет и аккуратно складывал в рюкзак.

— Хорош уже на мозг приседать! — не сдержался Йорген.

— Естественно, — язвительно улыбнулся клирик, — приседать на мозг — это бесчеловечно... Что можно еще сказать человеку, который спит? Я устал от этого сонного царства, и Господь призывает меня к действиям! Пускай у вас на одного подозреваемого будет меньше!

С этими словами он дал шпоры своему дромадеру и, выехав из строя, повернул к зубчатой гряде плоскогорья, овеваемый пыльными потоками ветра.

— Скорцес, остановитесь! — крикнула Ирина. — Прекратите! Ваша виза...

— Стойте! — воскликнула Лайла...

Тот даже не обернулся...

— Пусть идет... — неожиданно резюмировал полковник. — Он выбрал.

— Дэн, — позвала Ирина срывающимся голосом, — останови его.

— Иди поучи отморозков молитвам! — крикнул Йорген с издевкой.

— Я не нянька из детского сада! — зачем-то огрызнулся я. — Захочет — догонит! И до города рядом! Позер! Пафосный клоун! Осточертели истерички мне уже...

Ирина как-то грустно, с досадой и разочарованием посмотрела мне в глаза, а затем, тронув поводья своего дромадера, повернула за Скорцесом.

Я вновь крепко зажмурился: у меня до сих пор в ушах стоял вопль «Ящера», лязг бронированных суставов «шатунов», яркие цветы огня и кучи трупов, шевелящихся под гусеницами БМТ.

Я не мог понять этих людей, я не хотел их понимать, несмотря на то что все было и так очевидно: каждый пытается на свой манер... со своей шизой... Господи! Как мне все надоели... И я сам себе — в первую очередь! Люди — это порождение безумного хаоса! Толпа эгоистичных индивидуалистов, которым приходится сожительствовать друг с другом и страдать от своего стадного инстинкта и страхов, сотни страхов... Даже умные, даже адекватные... о чем они говорят? Чего они хотят? Разве есть хоть малейшая надежда, что с этими людьми можно договориться и построить мало-мальски приличное общество здесь, на Марсе? О чем так мечтает циничный идеалист Аурелиано...

Я дал шпоры дромадеру, и Чемба обиженно и глухо тявкнул.

— Ира! Стой! — кричал я, чувствуя себя полным идиотом с упавшим ниже уровня моря авторитетом.

Но она уже возвращалась обратно. Лицо ее было бледным, а глаза — угасшими в прикрытых ресницах.

— Я поддерживаю инициативу лидера смены о расформировании группы «кси-516», — глухо сказала Ирина, покачиваясь в седле, не глядя на меня.

— Поехали в город, — сказал Сенька, который почему-то улыбался до ушей, — а то ща изжаримся, как...

— От города, Артур, — прогнусавил голландец, — я пойду только со свежими картами.

— Поехали быстрее, — махнул рукой Йорген, — вопрос о группе будем решать в городе, а не в чистом поле. Хватит! Я спать хочу!

Растерянные туристы некоторое время озирались по сторонам: то на Ирину, то на исчезающий в пыли силуэт Скорцеса, то на Охотников. Затем все стали медленно разворачивать дромадеров и выстраиваться в колонну.

И мы двинулись дальше...

Кратер Персеполис показался из-за высоких гребней барханов через три часа.

Он выглядел как верхушка прокопченного котелка, из кото-

рого торчали чадающие коричневым дымом трубы заводов, сетки дюрала, покрытые пестрыми заплатками разноцветных железных щитов и разных прочих конструкций, натканных нелепыми многоярусными силуэтами.

Солнце уже бросало боковые лучи на изломанные и волнистые пески, на гребнях которых поднимались пыльные спирали утренних пылевых дьяволов. Небо становилось каким-то неоноворозовым, отливающим немного холодно-голубым. Жизнь продолжалась опять, но меня это не очень трогало — я был выжат до предела и не хотел ничего: словно в бреду я вращал глазами, пытался дремать в седле, но боль мешала расслабиться даже на минуту... Я был напичкан стимуляторами и анальгетиками до предела, но они мешали друг другу действовать.

Чтобы отвлечься от своего состояния, я созерцал смутно знакомые детали ландшафта.

Под утренним небом, освещавшим все вокруг боковым, сиреневатым светом, наши тени, скользящие по неровностям бурокрасного песка, казались изумрудно-зелеными. Солнце светило спереди и немного правее, высунув свой румяный оранжевый бок из-за зубчатого горизонта далеких темно-бирюзовых гор. Трещали счетчики радиации.

Облепленное постройками, коммуникационными и жилыми, кольцо кратера Персеполис в чем-то походило на муравейник со скошенным верхом. Оно находилось в южной оконечности огромной долины Амазония, километрах в трехстах севернее кратеров Николсона.

Когда-то здесь пытались сделать крупный промышленный район. Теперь от этих попыток сохранились только жалкие остатки, памятники тщетности человеческих усилий и гордыни.

То тут, то там, на многие километры от кратера, виднелись полуразрушенные коробки пустых производственных и научных построек, стихийные свалки мусора и засыпанные красновато-охристым песком забытые бетонные дороги. Торчали остовы отработавшей техники, также покрытые песчаными лоскутами.

Кое-где стояли одинокие хижинки бедных кланов, которым не хватило места в самом кратере. Иногда рядом, под большими навесами с песком, сидели пожилые иссохшие люди в ветхих залатанных комбезах, наблюдая за резвящимися в мусорных кучах детьми. Наверное, они ожидали из рейдов своих

Охотников. Тут же паслись одинокие стреноженные дромадеры, лениво пощипывавшие редкий колючий кустарник.

А вот и знакомые очертания покосившейся ржавой артезианской насосной станции.

Нелепо торчали за нею скрученные проволокой из алюминиевых труб кресты местного кладбища, изредка чередовавшиеся грубо отесанными камнями, обнесенными оградками из всевозможных материалов. Раздавалось гавканье домашних церберов, разносящееся эхом в песках, да выкрики детей.

Сам не знаю почему, но сегодня эта картина убожества и запустения меня умиротворяла, медленно в мою израненную стрессами последних дней душу вливался покой и мягкая отрешенность. Даже боль в теле отошла куда-то на задний план.

Ирина ехала рядом молча, глядя широко раскрытыми задумчивыми глазами куда-то под копыта своего альбиноса.

— Ира, — негромко позвал я, словно боялся, что она мне ответит.

Она не ответила, продолжая думать о чем-то своем.

— Ира, — позвал я громче, — ты как?

Она резко вздрогнула и посмотрела на меня отрешенным и слегка испуганным взглядом.

— Когда Скорцес уехал, — сказала она вдруг тихим голосом, — я поняла, что все так.

— Как? — спросил я.

— Естественно, — ответила она, — должно было так быть: я плохой гид, а от этой группы с самого начала веяло эгоизмом и...

— Чего тут естественного, почему ты плохой гид и в чем ты видишь коллективный эгоизм? — поинтересовался я, прикуривая сигарету.

Она вновь посмотрела на меня, как-то очень внимательно.

— Я плохой гид, потому что мне нет до них особого дела, — опять медленно сказала она, — я стараюсь действовать по инструкции: так просто и удобно.

— Значит, я плохой Охотник, — проворчал я. — Я тоже стараюсь все делать только по инструкции, и...

— А они какие-то странные, — продолжала она, словно не услышав моей фразы, — они словно лунатики, как будто неживые. Даже общаются между собой редко: каждый произносит фразу, словно не слыша предыдущей реплики, отдельно, а пытается выдать это за диалог: это из-за Марса? Нет?..

— Ира, Скорцес с самого начала проявлял себя неврастеником, это было видно, а потом, может, его и вправду тут ждут какие-то религиозные фанатики. Да и, несмотря на все заверения, люди чувствуют, что среди нас «чужой», и это совсем не способствует атмосфере доверия...

— Он сказал, что из-за меня убили его сына, — вновь тихо произнесла она, опустив взгляд на песок.

— Ира, перестань, прошу тебя, — я посмотрел на нее с сочувствием, — вовсе не из-за тебя! Это они, они устроили весь этот кошмар, они и виноваты в собственных бедах.

— ОН сказал, что из-за меня... — Ее слова почти превратились в шепот.

Я подъехал к ней вплотную, мысленно взыв от боли, случайно коснувшись ногой ее верблюда. Я положил ей руку на плечо и погладил.

— Ты ни в чем не виновата, и все уже позади. Теперь у нас будет самая спокойная дорога и один сплошной отдых, я обещаю!

Она вновь посмотрела на меня, уже с каким-то удивлением в глазах.

— Ты же сказал, что мы расстаемся?

— Мы с тобой — нет, — ответил я твердо, — и никогда не расстанемся.

— Никогда-никогда? — спросила она, как-то совсем наивно, по-детски.

— Ни-ко-гда, — по слогам и уверенно произнес я.

— А как же я их брошу? — Она беспомощно пожала плечами.

— Я сам, лично, в городе выберу им Охотников и гида, которым можно довериться. — Я опять погладил ее по плечу. — А вот кто будет с нами набиваться — они-то и станут подозреваемыми под первыми номерами. Я хочу обезопасить нормальных людей. С этими шпионскими играми пора кончать. Я не хочу, чтобы из-за нас началась Первая Марсианская Война. Эта сцена возле Башни мне сильно напомнила как раз такой расклад...

— Извини, — сказала она, — представляю, что пришлось вам пережить.

— Искренне надеюсь, что не представишь никогда. — Я тяжело вздохнул. — Да и тебе досталось крепко...

— Правда, давай не будем об этом. — Она встряхнула головой. — Ты, как всегда, правильные вещи говоришь, а я...

— Ты вообще самый лучший гид Марса, — сказал я серьезно.

— Мне кажется, — она спрятала лицо, будто проверяя, все ли карманы на комбезе застегнуты, — мне кажется, что ты меня необъективно оцениваешь...

— Ну конечно! — Я возмутился. — Да если бы не твоя выдержка и спокойствие, трупов было бы гораздо больше. Я знаю, что говорю, а комплименты — это не мой стиль.

— Хорошо, — она тоже вздохнула, — я почему-то тебе верю... Не знаю — тебе хочется верить, ты не такой, как все...

— Это все не такие, как я. — Дурацкая фраза вырвалась сама собой.

— Правда, я... — Она посмотрела на меня пронзительно, словно рентгеном просветила. — Ты — настоящий...

— Ира, — я помотал головой, — мне кажется, что ты меня необъективно оцениваешь...

— Ну конечно! — передразнила она и вдруг впервые за последнее время улыбнулась.

На душе у меня потеплело, словно бы от хорошего глотка спирта, — нет, даже лучше.

У меня, наверное, как и у Ирины, уже просто не было сил психовать и думать о чем-то мрачном — мы живы, мы наслаждаемся этим затхло-кислым воздухом, видим солнце, ощущаем, думаем; все остальное сейчас, даже пресловутый «чужой», все буквально, казалось такими смешными мелочами. Эмоциональные всплески и жалкие потуги придать значимость каким-то проблемам — и все это на фоне черного мрака *небытия*. Я часто замечал за собой такое — настоящий страх, равно как и осознание всей опасности происшедшего, приходят ко мне постфактум, тогда, когда бояться уже нечего. Это не тот страх, который я чувствовал на бетонных плитах у КлиБУса, когда хотел зарыться в бетон, под землю, — то был просто тупой животный инстинкт, а сейчас я постепенно осознавал, на каком волоске от смерти были все мы, какие сотые доли секунд, какие случайные и нелогичные ситуации отводили от нас несокрушимую и слепую старуху в черном балахоне. Мы не должны были выжить по всем раскладам, особенно некоторые из нас, во главе со мной...

Нет, лучше и вправду не думать об этом, иначе я прямо сейчас умру от ледящего ужаса.

Я уставился в пыльную, наполовину занесенную песком бетонку. Дорога, мерно покачиваясь, приближалась, наш путь продолжился, и все было в порядке... а остальное — пустяки.

Впереди показался вертикально стоящий, заржавленный рельс, вкопанный в песок между четырьмя пустыми ацетиленовыми баллонами.

К нему была приварена монументальная трафаретная табличка: «Персеполис, 2,5 км. Добро пожаловать!»

На заднем фоне продолжала расти громада кратера. Он был около девяти километров в поперечнике.

Вдруг я заметил, как со стороны города стало различимо клубящееся облако пыли. Через несколько минут я понял, что являлось его источником.

Нам навстречу двигался небольшой четырехколесный вездеход, сделанный на базе старой армейской БМП¹ а-ля кабриолет. Когда она увеличилась в размерах, я разглядел, что она покрашена в красный цвет, а некоторые бронированные части корпуса заменены простым листовым железом. По краям на ней были установлены два легких станковых пулемета, а в открытой кабине, за лобовым стеклом, снятым явно с какого-то грузовика, виднелась группа голов в шлемах.

Я тяжело вздохнул и крикнул группе в шлемофон:

— Прижимаемся вправо, к обочине!

На передней части машины слева трепыхался небольшой флажок черного цвета. Разобрать, что на нем, было пока нельзя, но я понял — это герб города, на котором изображалось желтое солнце со вписанной в него латинской буквой «пэ» и крыльями по бокам.

Все громче становился рокот двигателя, все приближался вездеход, и мне он почему-то не нравился: было в нем что-то тревожное, наверное, из-за расцветки.

Вот уже до нас долетел жар двигателя, пыль и песок. Натужно скрипнули тормоза, и облако черного выхлопа вырвалось в воздух.

Пассажиров было шестеро. Были они в чистых новых комбинезонах, двое без оружия, а четверо с автоматами.

Тот, что сидел ближе к нам, рядом с водителем, грузный и коренастый, чуть приподнялся с сиденья и произнес, включив внешние динамики:

— Приветствуем вас, странники, в нашем замечательном городе! Мы всегда рады гостям!

— Здравствуйте, — по возможности вежливее отозвался я. —

¹ Боевая машина пехоты — относится к классу легких броневиков.

Мы тоже рады наконец-то попасть в ваш город. Вы всех гостей так торжественно встречаете?

— Нет, только некоторых, — отозвался сидящий рядом мужчина, из-под шлема которого выбивалась густая растительность. — Я — помощник губернатора Персеполиса Гастон Борода, можно просто Гас.

— Очень приятно, — сказал я, вспоминая прошлый мой визит в Персеполис, когда внимание ко мне проявил только Диего, и тот с умыслом. — Мы — Охотники Странный, Йорген и Сибилла...

Мне явно было нелегко сейчас ворочать языком и мозгами.

— Знаю-знаю, — перебил Гас. — Слухи в Сети распространяются очень быстро. Мы наслышаны о тех трудностях, которые достались вам в дороге, и решили устроить вам заслуженную встречу. Ваш героизм... это достойный пример для граждан Марса.

— И вы решили ради этого сжечь несколько галлонов дизельного топлива, — с легкой иронией произнес я удивленно.

— Мы решили, что вы этого заслуживаете, — ответил стоящий грузный мужчина. — Меня зовут Кэр Браун — я председатель Народного комитета безопасности. Совет Четырех Городов также был заинтересован в предоставлении вам максимальной безопасности. Мы забронировали для вас номера в лучшем отеле города. Прошу, проезжайте вперед, мы будем сопровождать вас.

Он махнул рукой водителю, и вновь раздался рокот двигателя вездехода. Машина тронулась, проезжая нашу колонну к арьергарду.

Я махнул рукой, и мы продолжили путь.

— Круто-то как, Странный, тебе не кажется? — услышал я ядовитый голос Йоргена в наушниках.

— Да уж, — пробормотал я, — хлеба с солью не хватает и девочек в национальных комбезах.

— Хлеба с солью? — удивленно переспросил Йорген.

— Был такой древний обычай на Земле, — пояснил я, — ритуальной едой встречать дорогих гостей.

— Ну мы теперь звезды! Они ради нас столько топлива пожгли! — Йорген хихикнул.

— А по-моему, — раздался сонный голос Лайлы, — мы и вправду заслужили чего-то хорошего...

— Да, — пробормотал полковник, — приятная неожиданность.

«Вот оно что, — думал я про себя, — вот кто нами заинтересовался: Совет Четырех Городов! Кто бы мог подумать?! Это уже серьезно! А скоро к нам приставят эскорт из шагающих танков и отборные отряды паладинов в парадной форме, а празднично наряженные дети возложат к нашему подножию цветы, и гвардия выдаст торжественный салют! Да... не так я себе представлял эту поездку, как говаривал, бывало, Руаль Амундсен».

— Что-то не так, Дэн? Тебя смущают эти люди? — спросила Ирина, которая, как высокочувствительный радар, всегда улавливала мои настроения.

— Сказать по правде, я не стеснительный, но они действительно меня немного смущают, — ответил я.

— Ты что-то почувствовал? — вновь спросила Ирина.

— Да вроде ничего особенного, — я опять закурил, — но бдительности терять нельзя. А идея о расформировании группы нравится мне все больше.

Так мы и ехали, и я никак не мог отделаться от ощущения, что это парадное сопровождение в конце нашей колонны больше напоминает конвоирование.

— Я смотрю, Дэн, что, пока одни честные Охотники сидят дома, — сказал ехидно Сенька, — другие зарабатывают себе популярность.

— Надо было мне поскромничать и бросить тебя в Башне подыхать, — со злостью ответил я. — Обожаю быть героем, ты же знаешь!

— Ну ладно тебе, я же просто пошутил, — надулся Сенька.

Удивительный он человек — неужели ему абсолютно наплевать на все, что только что произошло?

— Кажется, жизнь налаживается, а, Джерри? — пробормотал тихонько Митчелл.

— Значит, так, — сказал я в режиме общей связи. — В городе соблюдать осторожность, ходить только группой, в сопровождении двух Охотников. Азиз и полковник, вас это в первую очередь касается: следите за группой и любыми контактами с местными, даже в паршивой лавочке с батарейками. Быть крайне внимательным — ни на что не соглашаться, все действия обдумывать и советоваться с Охотниками. Ясно?

Послышались разрозненные заверения в полной ясности моих инструкций и согласии с ними.

Дронова, как всегда, немного повозмущалась, что нам не дадут спокойно осмотреть город и оттянуться в полный рост, и немедленно потребовала от нас с Ириной нескольких экскурсий, хотя бы под вооруженной охраной.

Я находился уже в таком состоянии, что был согласен даже встать на четвереньки и погавкать, — мне хотелось уже наплевать на все.

А дорога меж тем все приближала нас к растущей громаде кратера.

В том месте, где она упиралась в вал пород, было прокопано широкое отверстие, посредине которого висел на осях огромный железный навес, выполнявший функцию ворот. В самой стене кольца кратера изредка были прорезаны окна, выкопаны оборонительные галереи, укрепленные кирпичом и бетоном. Зияли щели бойниц, и лепились, будто ласточкины гнезда, смотровые балконы. На некоторых из них, лениво опираясь на автоматические винтовки, покуривали часовые.

На покатых стенах кратера симметрично, по краям ворот, располагались два пулеметных гнезда и ракетная установка.

Из ворот то и дело выходили люди, верхом на дромадерах или пешком, группами и поодиночке: они куда-то разбредались вокруг или же, наоборот, приходили к воротам.

Въезд в город охраняли два патруля с броневиком, а вокруг них, облепив дорогу, словно мухи, громоздилась сотня торговцев с лотками, на которых была навалена уйма всякого хлама. Люди толпились между ними и обменивали один хлам на другой. Стоял многоголосый гомон. Кто-то погнался за кем-то. Кто-то громко крикнул.

Патрульные не обращали на эту суету ни малейшего внимания — они курили и болтали. Лишь изредка кто-то из них хватал особо резвого горожанина за рукав, что-то говорил ему почти в самое ухо или обшаривал его карманы, после чего брезгливо отпихивал в сторону.

Так как утро уже наступило, большинство людей торопилось внутрь кратера, чтобы укрыться от опасных лучей солнца.

Наша группа уже попала в зону столпотворения, и мы с трудом протискивались мимо десятков всадников и сотен пеших горожан. Чумазые, в обшарпанных шлемах и разнообразных одеждах, торговцы-менялы проскальзывали между верблюда-

ми, дергали нас за стремяна, наперебой предлагая свои «уникальные» товары. Иногда это были нищие-попрошайки, которые буквально мертвой хваткой цеплялись за верблюда, и только легкий пинок сапога был в состоянии отогнать жалобно вопрошающего еды или еще хоть чего-нибудь.

Сзади послышался громкий многоголосый гудок сопровождающего нас вездехода.

— Дорогу колонне туристов! — раздался из внешних динамиков БМП повелительный голос.

Патрульные пришли в движение — они вышли к воротам и стали бесцеремонно расталкивать людской поток прикладами своих автоматов.

Я чувствовал, что у меня отсутствует половина затылка, а голова куда-то съезжает, и мне приходилось ею потряхивать, словно заспанному дромадеру.

Становилось жарко.

Толпа перед воротами слегка поредела, и мы смогли более или менее успешно протиснуться к массивному срезу кольца кратера. Срез был высоким, широким и отбрасывал резковатую сизую тень. Гулким эхом отдавались в нем сотни шагов, голосов и поскрипывание седел. Пахло прогорклым человеческим потом, перемешивающимся с запахом животных. В этот букет вплетались еще какие-то ароматы, которые будоражили обоняние и составляли, наверное, запах самого города.

Вот пространство ворот окончилось, и дорога повернула влево, уходя по дуге, вдоль внутренней стены кратера, вниз.

Перед нами же открылся город, лежащий на дне гигантской воронки.

Я отчетливо вспомнил этот образ, который увидел еще тогда, в первый раз, больше двух лет назад, после последнего рейда с Голландцем.

Панорама города терялась в пыльной дымке, которую разрезали падающие с краев кратера под острым углом солнечные лучи, в которых клубились испарения. Сам город еще был в тени. Первые лучи освещали только торчащие в отдалении заводские трубы и решетчатые конструкции высоковольтных линий электропередачи.

По краям кратера были натканы спутниковые тарелки, какие-то ретрансляторы. Нависали целые дома, вмурованные в стену, от которых лентами вились разнообразные лесенки, пу-

тающиеся между собой и трубами, то здесь, то там выходящими из стены и врезающимися в нее вновь.

Внизу были видны кривые улочки, теряющиеся в перспективе панорамы, уставленные домами различных видов и исполнения. В основном они были не больше пяти этажей, но изредка встречались и десятиэтажки. Некоторые были построены из нагроможденных друг на друга контейнеров или старых автобусов. Попадались даже круглые дома из гигантских цистерн и резервуаров.

Ближе к центру попадались и кирпичные, и бетонные сооружения — там были районы для руководства и зажиточных дельцов. А в юго-восточной части города стояло несколько фабрик и небольших заводов, ощерившихся жерлами труб. Вот чем объяснялось сходство кратера снаружи с котелком или непотухшим вулканом: из труб валил дым, который ветер рассеивал над верхней границей кольца Персеполиса.

Я помнил с прошлого раза, что была в городе еще пара ворот, только поменьше: юго-восточные и северные.

Наша колонна двигалась по дороге, плавно снижающейся вдоль стены: уровень дна кратера был значительно ниже уровня поверхности Марса, поэтому-то дорога опускалась к городу плавно. С одного бока она упиралась в покатую стену воронки, а с другого обрывалась вниз, отгороженная невысоким частоколом из ржавых труб и других предметов, кои имели продолговатую форму и неясное происхождение.

Туристы, несмотря на стрессы и смертельную усталость, после сегодняшней ночи осоловело, но с любопытством озирались по сторонам, едва не сталкиваясь на дороге с горожанами, продолжающими сноваť вокруг нас.

Все же люди есть люди: одинокие марсианские пустоши, скучный пейзаж барханов и равнин, опустевшие развалины и заброшенные производственные поселки, да и присутствие постоянного чувства тревоги в этой одичавшей пустыне, которая одним своим видом утверждала неспособность принять у себя людей, — все это так резко контрастировало с этим пускай и убогим, но живым, населенным местом, с его пестрыми муравейниками домов, большим по марсианским меркам скоплением людей, животных и даже примитивным транспортом. С таким не сравнится маленький поселок диких луддитов клана Харлея.

Не знаю, хорошо это или плохо, но человек — коллективное

существо, что ты с ним ни делай. Я и тут умудрился оправдать свою кличку, которую мне дали в моем первом клане: с одной стороны, я испытывал тягу к городам, столпотворению и суете, мне нравилось общаться с людьми, нравился широкий спектр впечатлений городской атмосферы — от надоедливо убожества и грязи до комфорта и некой рукотворной красоты. Мне нравилось иногда потеряться, стать атомом некоторого вещества.

Но эта любовь имела свойство накапливаться и в какой-то момент заполняла мои внутренние «баки» по самую крышку: мне становилось скучно, тоскливо — откуда-то появлялся страх, что я завязну здесь, как муха в приторной тянучке. Казалось, если не уеду отсюда, то даже если потом соберусь — иссякнут какие-то силы, и это место сделает из меня свою собственную матрицу, свой придаток. Это касалось любого города и, как показала практика, планеты.

Конечно же и беготня по пустыне с этими зачастую совершенно нелепыми охотничьими рейдами надоедала и выматывала до чертиков: хотелось опять вернуться в огромный аквариум городского «растворителя», где от тебя так мало зависит, хотя внимательным нужно быть иногда не меньше, чем в пустыне. Но эта внимательность уже другого рода...

Многие Охотники и прочие граждане Марса вели себя подобным образом, но никто не называл их «странными». Просто почти у всех них была какая-то обозримая цель: скопить средства на налог, чтобы поселиться в каком-нибудь городе получше или найти новое место и создать свое поселение, свой клан. А может, накопить на перелет на Землю или найти какой-нибудь уникальный марсианский артефакт. А многие просто занимались прожиганием жизни и стремились к простым удовольствиям.

Уж больно мне не хотелось признаваться себе, что я такой же бесцельный тусовщик и гуляка, как и последняя категория. Я сам себя не совсем понимал — я что-то явно искал, но то, что мне предлагали, меня не устраивало. Меня куда-то тянуло, но явно не романтические идеи: романтики на Марсе быстро становятся практиками, циниками или трупами, а вот я — опять мимо всего. Иногда я сам себя ужасно раздражал, так как приходил к выводу, что я — никто. В меру прагматизма, в меру раздолбайства, в меру цинизма (это я так себя утешал). На кой хрен я лазаю под пули? Не хотелось быть «крутым самцом» или про-

сто мясником: Закон Пустыни раздражал меня своей бесчеловечностью, хоть и понятно было, что в этих условиях в нем много правильных понятий...

В общем, ни рыба ни мясо, а ухо дяди Тараса, как говаривал один Охотник, правда, не обо мне, слава богу: у меня хватало мозгов играть по правилам тусовки, чтобы не возникало лишних вопросов. В рейде я был аккуратным и расчетливым Охотником, в кабаке — остроумным прожигателем жизни, который не прочь поволочиться за симпатичной девицей; с теми, кому доверяю, старался быть искренним товарищем, при дележке добычи не становился альтруистом, но и хапугой тоже. Мне казалось иногда, что и самого-то меня не существует, а есть только набор шизофренически расщепленных личностей, чемоданчик с универсальным набором «дэнов» для любых видов работ... Странный... да... это еще мягко сказано...

Но кличку, конечно, я придумал себе не сам (самопальные клички, типа как у Джо — «Вим», — редко приживались) и «Станным» меня назвали на Марсе далеко не сразу: сперва меня называли Стебанутым, или «земное недоразумение», а иногда даже Папуас из Елизея¹. В лучшем случае — просто Дэн. Я был зеленый новичок, не вписывающийся в привычные марсианские нормы. А потом, когда я приобрел хоть какой-то авторитет среди Охотников, старший клана Беркутов, который любил со мной поболтать вечерами о жизни на Земле и вообще о всяких абстрактных вещах, частенько повторял: «Ох и странный же ты мужик, Дэн, ох и странный...» Особенно когда я объявил о своем желании отправиться в кругосветный рейд...

А когда у меня получилось в первый раз, случайно, отогнать глюк, все стали приставать с расспросами, как это у меня вы-

¹ Папуас из Елизея, Елизейский Паренек — в такой пренебрежительной форме называют кланы и племена, живущие на Марсе в северной части плато Элизий, рядом с дикими землями Утопии на параллели Тропика Рака. Это область более низких широт, тогда как основная масса марсианских поселений находится в более теплых и благоприятных районах. Жители этих мест отличаются ярко выраженной ксенофобией, более дикими, почти первобытными законами и нравами. Странятся обжитых мест, крайне мало участвуют в меновой торговле, даже в конфликтах с остальными колонистами замечены очень редко. Бытует распространенное мнение, что это потомки каких-то биологических экспериментов, и юварки являются их отдаленными сородичами, хоть и пошедшими по пути мутации. Некоторые предполагают, что эти районы являются частью бывшей колонии для уголовных преступников, которые утратили связь с внешним миром на протяжении нескольких поколений. В обиходе имеет значение «дикарь», «человек, не приспособленный к нормальному социальному взаимодействию», иногда — «умственно отсталый».

шло, а я ничего внятного ответить не смог. Зауважали, но стали как-то сторониться. Вот и приклеилось...

А Ирина — она меня чувствует, как никто, она сверкнула в моих глазах чем-то таким, что я ищу, чем-то близким и нужным... К слову сказать, она и сама странноватая... даже для меня... Эх... я сильно сомневаюсь, что на Марсе такие чувства уместны при эдакой кутерьме, да и вряд ли в моем лице и с моим образом жизни она обретет гигантское счастье, усыпанное бриллиантами и атомными батарейками...

Ногу внезапно кольнула острая боль: какой-то красномордый черт, проезжая мимо на телеге, запряженной двумя пегими свиноконями, размахнулся дать им кнута и задел меня по ноге локтем. В глазах пошли красные круги, а дыхание перехватило. Горожанин даже не обернулся, звонко шелкнув хлыстом лоснящиеся бока своих кривоногих борохов.

«Чтобы у тебя юварки гнездо на башке свили!» — сквозь зубы прошипел я тихо.

Да что я, в самом деле?! Еду, развлекаю себя какими-то дермовыми детскими самокопаниями! Тоже мне принц Гамлет Марсианский, ядерный папуас. О другом надо думать, Странноватый! О другом!

После треклятой Башни у меня что-то случилось с головой... я как-то неуловимо изменился... что-то приобрел, себе не свойственное... Это, наверное, из-за ранения у меня в голове начался такой бардак...

Сонными, вялыми голосами туристы переговаривались, деля длинные паузы между фразами: было ясно, что они вкладывают последние силы в свои эмоции, пытаются всеми органами чувств хоть как-то впитать это впечатление от первого увиденного ими в пути относительно крупного марсианского города «Великой Первой человеческой колонии», «Смелого Рывка В Темный Мрак Вселенной!» «Подобно отважным первопроходцам, люди планеты Земля, в едином стремлении покорять *неизведанное*... невзирая на тяжелые времена, когда перемена климата и мощные экономические потрясения на нашей Родине... новая надежда на будущее... мечтатели многих поколений!..»

Так обычно писали в СМИ и говорили у нас на Земле по всем каналам видеонОВОСТЕЙ долгие десятилетия.

После Великого Перелома на Земле продолжали ухудшаться условия жизни — резкие температурные скачки и магнитные бури, перенаселенность умеренных широт. В Азии усилились

противоречия между крупными анклавами переселенцев из Европы и индийско-тибетскими экстремистами, именуемыми Новые Арии. Да и, несмотря на разношерстность самой Тибетской Республики, не прекращались приграничные стычки с Китаем. Мелкие вооруженные конфликты терзали и без того слабую экономику. Более-менее успешными и спокойными государствами были Бразилия, Китай и Россия, но их перенаселенность затрудняла развитие.

И вот из последних сил человечество решило реализовать-таки «марсианскую программу». Казалось, это долгожданный выход, решение всех проблем. Поднялась невиданная за долгие годы пропагандистская волна. Всех агитировали внести свой вклад и получить ломоть долгожданного счастья. Даже удалось разжечь некий энтузиазм, что привело к временному прекращению конфликтов и экономическому росту. Несколько огромных орбитальных транспортов полгода загружались шаттлами. Тогда на Марс улетела основная масса колонистов. «Отважные первопроходцы завершили первую стадию терраформирования! На Марсе появилась долгожданная атмосфера, пушено в ход свыше полутора тысяч горнодобывающих, сталелитейных и других предприятий. Образовано несколько сотен городов и поселений. Жизнь налаживается. Через пару десятилетий цветущие сады встретят новых гостей планеты. Наряду с колониальными рейсами активно развиваются туристические полеты!» Вот что тогда говорили... Да и многое другое...

Пока не дошли до уровня балаганного зазывалы: «Хотите вырваться из серой и обыденной жизни? Дикая земля Марса ждет вас! Вдохните полной грудью вашу Новую Марсианскую Жизнь!..» И дальше в том же духе.

Затем стали говорить все реже, пока не ограничились общими приглаженными фразами про «Хроники завоевания космоса», укладывающимися в несколько выдуманных экономических показателей, репортажей о «счастливых и отдохнувших космических туристах», которые снимались в проплаченных студийных павильонах, и подробной метеосводкой...

Даже передачу сделали с ток-шоу и неким подобием телемоста (конечно же в записи) под названием «Космос — новый дом». А уж какие социальные и финансовые льготы были у добровольных колонистов! Интервью, госдотации, юридическая поддержка и награды, и даже титулы!

А когда иссяк и этот животворный источник — дело решили

прикрыть, объявив, что в ближайшие несколько лет в связи с глобальным финансово-сырьевым кризисом на Земле полеты на Марс временно прекращены, но связь иногда будет. Стали просачиваться сведения о каких-то странных аномалиях на Марсе, но власти комментировали это как паникерские настроения и бред пессимистов с разыгравшимся воображением, которые не смогли принять Новой Родины.

Потом уже частные корпорации, имеющие лицензию на производство межпланетных кораблей нового поколения, решили на этом заработать: нет худа без добра и добра без худа... Цены на путевки взлетели до небес, и на какое-то время интерес к Марсу чуть выбрался из нулевой отметки.

Но, правда, во Всемирной паутине Земли был один частный виртуальный канал, который назывался «Бог Войны», где рассказывали совсем иное...

Именно там и шли ночные кровавые реалити-шоу Жирного Тэди и ему подобных. Ставки делались в полной тайне.

Этот канал представлял жизнь на Марсе как крошечный ад, и больше всего это напоминало футуристические триллеры и ужастики. Канныализм, извращения, каждодневная кровавая мясорубка за любой кусок мало-мальски пригодной для жизни территории. Эти люди играли на человеческих страхах и тоже получали от этого уйму денег.

Истории и «документальные» кадры про мутантов, пространственные аномалии, уничтожающие людей чуть не тысячами, про новые загадочные смертельные вирусы, занесенные инопланетянами, которые на летающих блюдцах продолжают похищать людей для своих изуверских экспериментов по производству расы людей-машин.

Кликуши в рясах заламывали на экранах руки, провозглашая пришествие антихриста, доказательством коего и является добровольное и рукотворное создание ада, который оказался на небе.

— Мы за грехи свои вновь потеряли рай! — кричали они. — И орда нелюдей, превративших человека в ходячий труп, обрушится с кровавой планеты, чтобы этой кровью затопить Землю! И сойдет с ними на твердь нашу смуглый и златоглазый Царь Тьмы Вселенной, и затрубят Трубы Апокалипсиса!

Плодились и множились религиозные течения и обыкновенные секты — это конечно же не носило массового характера, но я думаю, что канал не прикрывали по другим причинам.

Просто Марс, точнее, его сложившаяся уродливая и дикая пародия на земную цивилизацию образца начала первого тысячелетия от рождения Христова продолжала приносить деньги любыми способами, кроме тех, которые были нужны и полезны.

И дело не в жадности, порочности или глупости людей. Все дело было в обыкновенной разобщенности и неумении договориться.

Однажды на одном из сайтов я увидел забавное попсовое фото: в кожаном офисном кресле за массивным столом, уставленным разноцветными флажками, мониторами и коммуникаторами, сидел годовалый младенец, обернутый памперсом. Его задорные веселые глаза-бусинки таращились в объектив, изо рта текла слюна, а на голове висел набекрень черный котелок. В руке ребенок держал перевернутую курительную трубку, с наслаждением подгрызая мундштук, словно соску...

И вот что получилось...

Из вновь накотившей на меня задумчивости и рассеянного потока сознания меня резко выдернул трубный глас гудка вездехода наших неожиданно гостеприимных хозяев.

Я поморщился и огляделся по сторонам.

Ирина ехала на полкорпуса позади меня, опять что-то набиная в своем электронном планшете. Она изредка бросала на меня внимательный и вместе с тем задумчивый взгляд. Сразу за ней ехал полковник, сияя красными белками утомленных глаз.

Вокруг нас продолжали топтать, и стучать, и скрипеть, и фыркать. Кашляло, выкрикивало, ругалось и смеялось в своем хаосе людское течение. Людей стало как будто меньше.

Все эти звуки гулко, с легким эхом, отскакивали многократно от высоченной стены кратера, усеянной небольшими постройками и коммуникациями.

У некоторых домов, где витиеватые стальные лестницы образовывали некое подобие решетчатого металлического крыльца, сидели, свесив ноги, уставшие после тяжелого дня трудов праведных и не очень разнообразных люди.

Они разговаривали, курили, пили что-то из коричневатых непрозрачных бутылок и с любопытством разглядывали пестрый поток входящих в город.

Иногда какой-нибудь особенно захмелевший зритель приходил в необычайно игривое настроение и, потушив о стену окурки сигареты, ловким щелчком большого и указательного пальцев отправлял по дуговой траектории сей оскорбительный

подарок в какого-нибудь зазевавшегося торговца. Когда же последний вскидывал голову, разражаясь проклятиями в адрес подобной неуместной выходки, призывая всех церберов окрестных свалок совершить грубое половое совокупление на могиле незадачливого шутника, тот в ответ вытягивал средний палец провинившейся руки и вызывающе двигал бровями или же водил оным пальцем по высунутому языку.

Иногда раздавался плеск воды — это женщины, прибиравшиеся в доме, перед отходом к дневному сну выливали грязную воду из мятых цинковых ведер. Но из-за покатоности стены кольцевой воронки вода попадала не на дорогу, а на саму стену вдоль обочины дороги, где была вырыта длинная сточная траншея, уносившая нечистоты в городской коллектор.

Где-то кричали грудные младенцы, скрытые висящим и сохнувшим на балконах бельем, и на фоне этого противными резкими электронными переливами чирикали зуммеры игровых приставок.

Меж тем мы достигли нижнего уровня воронки кратера, где и начинался основной город.

Дорога тут была вымощена шлифованными камнями и упиралась в довольно крупную площадь в форме окружности. Одним краем площадь примыкала к стене кратера, а с другой стороны от нее отходили три вполне прямых луча городских улиц — это и был въезд в сам Персеполис.

По краям площади стояли торговые ряды, напоминающие сильно залатанные короба или произведения дизайнеров-модернистов. Некоторые из них были уже закрыты, да и людей становилось все меньше.

Несмотря на это, смуглый парнишка в конусообразной блестящей шапке играл на самодельной гитаре с хрипловатым динамиком, а стройная девушка в прометалленной накидке вместе с маленькой девочкой лет пяти двигались в такт его аккордам.

В центре площади вертикально стояла вкопанная в землю труба, к которой был привязан невесть как здесь появившийся витринный манекен без явных признаков пола и черт лица. Две его руки были выставлены вперед, по направлению к городу, под углом примерно девяносто градусов друг от друга, а правая нога также висела параллельно земле, будто плохо смазанный робот с негнушимися суставами радостно бежал кому-то навстречу. На каждой выпяченной его конечности были укреплены таблички с указателями направлений и названиями улиц.

Зрелище было слегка жутковатым и напоминало какой-то извращенный вариант антиутопического распятия.

Меня это навело на странную мысль о том, что, пока в людях не угасла жажда соригинальничать, все не так уж скверно: могли бы просто ограничиться столбом с указателями — ан нет... Хотя вопрос о том, что было бы лучше, оставался открытым.

Я с некоторым содроганием подъехал к этому арт-объекту марсианского градостроительства и, сделав знак остановиться, натянул поводья Чембы.

— Какой уродец, — тихо сказала Ирина, подъехавшая слева.

— Не говори, — хмыкнул я.

Откровенно говоря, я понятия не имел, где в этом городе то, что наши любезные мотострелковые представители администрации гордо именовали «лучший отель города».

Правда, прошло много времени...

— Группа «кси-516»? — услышал я хриловатый голос с казенными интонациями.

К центру площади приближались трое всадников на откормленных вороных свиноконях. Они были одеты в камуфляжные армейские комбезы, на рукавах которых красовались черные повязки с желтыми кругами посередине. За спинами у всех троих висели автоматические карабины с укороченными стволами, по всей вероятности, местного кустарного производства.

Видать, это и было некое подобие местной милиции — те самые бравые парни, которыми командовал этот Кэр Браун. Да, здесь многое изменилось.

— Да, — сказали мы с Ириной, почти в один голос.

— Вы — Охотник, лидер смены? — кивнул мне командир патрульных, бочкообразный человек, с розово-сизой бороздой шрама через левую щеку.

— Да, — кивнул я устало. — Охотник Странный из долины Маринера.

— С прибытием, — он коротко взял под козырек, — следуйте за нами до гостиницы.

Они стали разворачиваться, я тронул поводья, скомандовав группе, а сзади вновь протрубил сигнал администраторского вездехода.

Мы двинулись по средней улице, на которую указывала нога манекена. Улица шла с небольшим подъемом к центральной области кратера, где находилась главная часть Персеполиса.

Дороги уже опустели. Лишь изредка проходили по ним пе-

шие патрули, спешащие прохожие, да один раз мимо промчался, натужно завывая электродвигателем, трицикл без пассажиров, с надписью «такси» на импровизированном тенте кабины. Это было редкое зрелище, и от него пахло не только разогретым маслом, но и каким-то уютом или даже аттракционом для удовольствия.

Да, здесь действительно многое изменилось — не все, но многое...

Я почти спал в седле, когда мы проезжали мимо пестрых, в своем исполнении, двух-трехэтажных домиков с крышами, засыпанными песком.

Кое-где на этих крышах виднелись импровизированные парники, покрытые пыльной полиэтиленовой пленкой.

Неистово трещали счетчики, словно солирующая партия, а сзади доносилась басовитым рокотом ритм-секция двигателя БМП.

Перед глазами у меня все плыло, а на улице уже попадали первые косые блики стремящегося к зениту солнца, которые проступали сквозь мои веки ярко-оранжевыми пятнами. Пахло дымом, сырым камнем и сладковато-пресным запахом ржавчины. Звездочки вспыхивающих в лучах пылинок мерцали, расплываясь в слезящихся глазах, словно блестящие елочные игрушки, а в ушах будто булькала вода и стоял тихий звонкий гул трансформатора.

Я не глядя полез одной рукой в аптечку, нащупывая там очередную шприц-тюбик стимулятора... эх... кофеина бы сейчас пару кружек, со спиртом...

— Вот, — раздался далекий, будто сквозь стену, голос, — жить будете здесь...

Приятная прохлада разбегалась маленькими бодрящими пузырьками вдоль согнутой в локте руки.

На мое лицо упала тень. Я приоткрыл один глаз: патрульные всадники остановились возле трехэтажного здания, выполненного в форме растянутой горизонтально матрешки. Легким полукругом фасада оно выдавалось на улицу. На каменное покрытие мостовой ложились четыре аппарели по ширине колеи тягача.

Аппарели упирались в сегментированные ворота гаражных секций на первом этаже. Над ним громоздился приземистый серебристый двухъярусный купол с двумя рядами овальных окон.

По всему периметру скоса между куполом и нижней частью здания сверкали в первых лучах солнца, словно диковинные барельефы, солнечные батареи, перемежающиеся угольно-черными вставками термоэлементов. А на самой макушке купола, будто фантастический головной убор, одновременно напоминающий громоздкий флюгер, тихонько вращал лопастями на утреннем ветру блок ветрогенераторов. Под ними на куполе сверкала стеклом парника маленькая гидропоническая ферма.

Я даже на несколько секунд проснулся: это был новенький сборный автономный бытовой блок стандартного марсианского поселка, оснащенный всеми житейскими удобствами и излишествами. Из таких сборных построек планировалось возводить первые поселения для колонистов проекта «Терра-3». Но по причине его провала эти конструкции попали на Марс в единичном количестве — Земля прекратила финансирование и снабжение марсианской колонии.

Эта конструкция была уникальна не только своей простотой в сборке и эксплуатации, не только удобством и комфортом, но и фактически полной своей энергетической независимостью — я читал об этом в каком-то рекламном проспекте. Дом вбирал в себя энергию солнца, тепла и ветра, имея при этом небольшой ядерный реактор, газовый и паровой генераторы и большую резервную сеть аварийных аккумуляторов, способных поддерживать энергию почти две недели без реактора. И в довершение всего дом был оснащен замкнутой системой водоснабжения и канализации. Он был практически полностью автономен.

Складывалось впечатление, что его стены еще пахнут маслом формовочного пресса.

В марсианских условиях это напоминало отель в пять звезд, а то и выше, и слова наших встречающих по поводу лучшего отеля в городе можно было воспринять буквально... Да... В очередной раз я подивился, насколько хватало сил измученного организма, тем переменам, которые произошли в такой дыре (в полном смысле этого слова), как Персеполис.

На фасадном участке здания (это я так, завернул, потому что оно круглое в сечении и «фасад» на нем выделить сложно), прямо над гаражными воротами висела вывеска, являющаяся некой ложкой дегтя на этом блестящем новеньком сооружении, — без этого отель выглядел бы совсем чужеродным этому месту.

Вывеска была с потугой на дизайн и состояла из двух немного мятых алюминиевых труб, к которым были примотаны кусочками проволоки уродливые квадратные буквы.

Они составляли слово «Гладиатор», а в конце было изображено что-то вроде дорического шлема.

Все это, вместе с встречающей делегацией и броневиком, выглядело как-то неестественно и слишком пафосно, но я отказывался думать об этом сейчас.

Охрана отпирала две ближайшие створки ворот. А наши драмадеры с застывшими в отключке туристами переминались с ноги на ногу да флегматично жевали губы.

Нам дали сигнал заезжать вовнутрь, и все хаотично, под треск датчиков и похрапывание верблюдов, ринулись к долгожданному отдыху. Ненадолго возникла суতোлка, которую Ирина и Сибилла пытались упорядочить.

Я стоял в стороне, ожидая, пока все проедут. БТР вновь зарычал мотором и подкатил ко мне сбоку.

— Господин Охотник, можно вас на пару слов? — негромко попросил Гастон Борода, слегка привстав на сиденье.

Я тронул поводья и подъехал к ним.

— Господин Охотник, — вновь повторил он, — сейчас вы как следует отдохнете, вас будет охранять наши лучшие люди...

— А зачем нас охранять? — вяло поинтересовался я, прикинув мысленно: смогу ли я спокойно спать, представляя стоящих за дверью мордovorотов Кэра Брауна.

— Не подумайте чего плохого, — мотнул головой Гас, — после стольких стрессов вы все должны отдохнуть, охрана просто заменит ваших же дежурных.

Я понимал рациональность и необходимость этой идеи, и хоть мне и не нравился весь этот пиар, но опасности все же не чувствовал.

— Хорошо, — сказал я, — спасибо за заботу.

— Я хотел договориться с вами на завтра... — начал было Гас.

— Только не экскурсию по городу, — взмолился я, почувствовав, что ребята начинают перебирать со своей добротой.

— Нет, — ухмыльнулся Гас, — завтра к половине третьего утра, когда вы уже наверняка все проснетесь, вас ожидает на приеме в вашу честь губернатор. Это в его резиденции, в центре. За вами приедут.

— Послушайте, — не стерпел я, — мне очень приятно такое

внимание с вашей стороны, и я еще раз скажу большое спасибо, но мы обыкновенная туристическая группа, каких по Марсу ходят сотни, а то и больше. Я не могу понять, почему именно наши стычки по дороге настолько выделяются в общем бардаке?

— Ну далеко не каждый Охотник проведет свою группу без потерь через зону вооруженного конфликта, да еще и с «штатнами»...

— Нас паладины спасли... — вставил я.

— Не перебивайте, — он сердито затряс бородой, — вот придете завтра к губернатору — и все узнаете.

— Хорошо. — Сил спорить у меня уже не было.

— С собой можете взять госпожу гида как представителя туристов, а о группе мы позаботимся.

От такой наглой откровенной диктатуры я просто растерялся: с самого начала мне весь этот официоз был не по душе — хотелось просто слиться с городом, забиться в угол и отдохнуть, чтобы не трогали: после всех передраг в нашей ситуации была жажда не привлекать к себе ни малейшего внимания, но за нас уже все решили. Давно уже решили...

И чтобы добить меня окончательно, Гас продолжил:

— Оружия с собой можете взять не больше одной единицы, а вот если сможете, наденьте что-нибудь вместо комбеза.

— Вы издеваетесь?! — невольно вырвалось у меня.

— Ничуть. — Гас вскинул брови: казалось, вся эта церемония его забавляет.

У меня в голове вращалось сразу множество идей, даже усталость и боль отошли на задний план. Нас хотят разделить с туристами, но зачем? Либо это просто пафос новых хозяев? А при чем тут мы?

— Учтите, — я нахмурил брови, — несмотря на все уважение и благодарность: если с группой в мое отсутствие произойдет хоть что-нибудь, я устрою тут такие народные волнения, что начнется революция! И уж конечно сразу доложу Совету Четырех Городов, который выдавал мне охотничью лицензию.

При последней фразе Гас нахмурился, а вместо него ответил Браун:

— Я понимаю, что вам нелегко пришлось, я прошу вас не нервничать — здесь вы в *полной* безопасности.

На слове «полной» он сделал явный акцент, и я понял, что препираться бессмысленно. Очень трудно человеку, привыкшему к агрессии со стороны, воспринимать в розовом свете лю-

бое направленное к себе благодушие. Да и отказываться от гостеприимства было на Марсе признаком дурного тона.

Я попытался изобразить на лице улыбку, но, судя по зрителям, вышло неубедительно.

— Еще раз спасибо за такой теплый прием, — сказал я, разглядывая их лица. — Надеюсь, вы не обижаетесь на мою излишнюю подозрительность?

— Конечно же нет, — сказал Гас. — Мы видим, что вы вымотались, это вы нас извините, что пристаем с нашей светской программой. Просто господин губернатор очень хотел вашего присутствия с госпожой гидом.

— Я понял, — кивнул я, — мы обязательно придем.

— Доброго вам отдыха!

Браун приказал водителю ехать, и броневик с утробным рыком, выпустив облако черного дыма, рванул по опустевшей улице дальше, а я поспешил в гараж.

В гараже было шумно: там дежурили двое рабочих в спецовках, которые помогали привязывать и треножить дромадеров, раздавали корм. Туристы рылись в рюкзаках и седельных сумках. Некоторые пытались выяснить у рабочих, где туалет и ванна. По стенам слышалось ровное гудение генераторных отсеков.

Затем организованной толпой, грохоча тяжелыми сапогами по железным ступенькам, мы поднялись по винтовой лестнице в центре гаража. Лифта хоть не было — это меня как-то утешало. Один из людей Брауна остался снизу, двое пошли вперед.

На втором этаже был круглый холл, облицованный бежевым пластиком, с которым контрастировали грубо сваренные из стальных реек скамейки и стулья. Справа от лестницы стояла конторка из приспособленного компьютерного стола, с настоящим портье!

Это была молодая короткостриженная девушка с темно-русыми волосами и слегка рябой кожей лица, но в целом миловидная. Одета она была в узкое и короткое оранжевое платье, явно перешитое из комбинезона.

Она окинула нашу толпу внимательными карими глазами.

— Вот, Элли, — хрипловато протянул ополченец со шрамом, — надо постояльцев распределить. Приказ губернатора. Мы с тобой сегодня дежурим.

— Сейчас! — низким голосом ответила девушка. — Всем нужно зарегистрироваться.